

Фет мечтал, чтобы весь механизм новых отношений был отлажен. Он верил и надеялся на вольнонаёмные отношения, но желал и поддержки со стороны государства — чтобы ему не приходилось заниматься самодеятельностью с гусями и ловить работника Семёна. «Всякая законность потому только и законность, что необходима, что без неё не пойдёт самое дело. Этой-то законности я искал и постоянно ищу в моих отношениях к окружающим меня крестьянам и вполне уверен, что рано или поздно она должна взять верх и вывести нашу сельскую жизнь из тёмного лабиринта на свет Божий»¹⁸. Пока же вся тупиковость ситуации выражена в словах посредника, который надеется «как-нибудь уладить это дело». «Со вступлением России в новый период деятельности заветные слова *авось*, да *небось*, да *как-нибудь* должны совершенно выйти из употребления»¹⁹.

Ну, как здесь не возникнуть ностальгии по дореформенным временам? Однако взгляды «убеждённого помещика» Фета были неприемлемы для демократического сознания даже если за ними стояло просто стремление упорядочить хозяйство. «Новизну» его взглядов многие вообще не признали: «В г. Фете ещё не остыли старые привычки», он «находится в тесной связи с общим настроением той части общества, которая присваивает себе название «благонамеренной»²⁰.

Критика коснулась и лирики Фета. Так; Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин изрёк: «В семье второстепенных русских поэтов г. Фету, бесспорно, принадлежит одно из видных мест»²¹. Как публициста Афанасия Афанасьевича упрекали в детализации и мелочности, а как поэта — в уклонении «от практической стороны жизни»²². «Есть и такие стихи, в которых, с одной стороны, кажется, что как будто есть что, а с другой, как будто ничего нет, кроме рифм и размера»²³.

А в целом получилось не лирическое хозяйство, а соединение «лирического художества»²⁴ с замашками крепостника: «Фет явился бессознательным, наивным певцом крепостного права»²⁵.

Если для самого Афанасия Афанасьевича стремление наладить хоть какой-то порядок в расстроенном хозяйстве было залогом успеха деятельности пореформенного помещика, то для его критиков — возвращением помещичьего произвола. В этом непонимании и кроется известный конфликт между Фетом и демократическими авторами. Сатирик Дмитрий Минаев потешался вволю²⁶:

*Этой ночью благовонной,
Не смыкая глаз,*

*Я придумал штраф законный
Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
Забредёт ко мне,
Штраф платить вам будет надо...
Спите в тишине.*

*Если в поле встречу гуся,
То (и буду прав)
Я к закону обращаю
И возьму с вас штраф;
Буду с каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтоб стеречь своё добро вы
Стали, мужички...*

Фет как хозяйствующий субъект стал весьма популярной мишенью. Салтыков-Щедрин вообще практически отождествлял понятия «вести поместное хозяйство» и «человеконенавистничать»: «Вместе с людьми, спрятавшимися в земные расселины, и г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает, и всё это, для тиснения, отправляет в «Русский вестник»²⁷.

Подобный стереотип, плотно утвердившийся в умах современников и потомков, легко было создать именно на контрасте с фигурой «нежного поэта». В итоге читающая публика в большинстве своём не поняла и не приняла Фета-помещика, Фета-землевладельца, Фета-практика. Зато был создан миф о Фете-крепостнике.

Конечно же, поэта угнетала подобная реакция. Быть прогрессивным на словах легко, а вот на деле, да ещё успешным — намного сложнее. И Фет писал Толстому: «Тургенев вернулся в Париж, вероятно, с деньгами брата и благодетельствовал Россию, то есть пустив по миру своих крестьян... порубив леса, вспахав землю, разорив строения и размотав до шерстинки скотину. Этот любит Россию. Другой роет в безводной степи колодец, сажает лес, сохраняет леса и сады, разводит высокие породы животных и растений, даёт народу заработка — этот не любит России и враг прогресса»²⁸. В этих строках сквозит горь-

кая обида; есть в них, очевидно, и немалая доля правды. Характерно, кстати, что резкий критик поэта Салтыков-Щедрин купил под Москвой в Витинёво, усадьбу, но не справился с ней. Михаилу Евграфовичу поучиться бы у Фета, а он заклеил его как дремучего крепостника...

Тем не менее свой взгляд Фет считал достаточно объективным, а нападки — проявлением слабости критиков: «Наши записки в течение долгих лет служили неистощимой темой свистков и дешёвой карикатуры. Дети, взглянув на барометр и догадываясь, что скоро их не пустят на улицу, готовы были разбить безмятежный инструмент, точно он виновник приближающейся грозы»²⁹.

Идейные противники поэта-публициста не надеялись увидеть в русских дворянах прогрессивных землевладельцев, а вернее, просто не хотели этого. По их априорным суждениям, поместное хозяйство после отмены крепостного права было совершенно бесперспективным. И любой помещичий опыт, удачный или не очень, точно так же априори принимался в штыки. А фигура «поэта-крепостника» для критики была особенно привлекательна.

Фет защищал помещика от нападков литераторов, исходя во многом из реального положения дел: ведь «большая часть производительной почвы находится в руках этого класса, и нельзя никакими риторскими воркованиями зашептать эту жизненную силу»³⁰. И в течение двух десятилетий он личным примером доказывал, насколько сложно было быть хозяином в ту эпоху и что помещик не только хищник, но и жертва.

Заметки были написаны и напечатаны, чтобы поддержать такого же хозяина. Фет и как писатель, и как землевладелец рад был быть полезным: «Мы все Робинзоны, все ищем новых путей и средств к производству тех самых вещей, которые когда-то так легко производились по рутине»³¹. Он гордился тем, что, получив пусть незначительный, но результативный практический опыт, мог им поделиться. И пусть «лирическое хозяйство» не всегда встречало радужный приём критиков, его дело не пропало, отразив противоречия эпохи.

Примечания

1. Современник. 1863. № 4.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 10. М. 1994. С. 339.
3. Кошелев В. А. Лирическое хозяйство в эпоху реформ // Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М. 2001. С. 6; Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М. 2012. С. 261–271.
4. Фет А. А. Указ. соч. С. 173
5. Толстой Л. Н. Переписка с

- русскими писателями. Т. 1. М. 1978. С. 288, 251, 290.
6. Там же. С. 356.
7. Там же. С. 235.
8. Там же. С. 363.
9. Фет А. А. Указ. соч. С. 76.
10. Там же. С. 274.
11. Там же. С. 131.
12. Там же. С. 109.
13. Там же. С. 76.
14. Там же. С. 74.
15. Там же. С. 89.
16. Там же. С. 91.
17. Там же. С. 134.
18. Там же. С. 89.
19. Там же. С. 76.

20. Современник. 1863. № 4. С. 394.
21. Там же. 1863. № 9.
22. Русское слово. 1863. № 8. С. 62.
23. Там же.
24. Там же. 1863. № 9. С. 21–42.
25. Там же. С. 39.
26. Минаев Д. Д. Лирические песни с гражданским отливом... // Минаев Д. Д. Избранное. Л. 1986. С. 67.
27. Современник. 1863. № 4.
28. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. М. 1978. С. 59.
29. Фет А. А. Указ. соч. С. 274.
30. Там же. С. 126.
31. Там же. С. 276.